

<https://doi.org/10.17073/2072-1633-2026-1-1490>

Тренды федеральной бюджетной политики в контексте реализации целей долгосрочного социально-экономического развития России

Е.С. Иванова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация
 Lianura@mail.ru*

Аннотация. Характерной чертой периода с 2014 г. по настоящее время стало последовательное ухудшение внешних условий социально-экономического развития России вследствие антироссийских санкций со стороны недружественных государств, а также снижения стабильности мировой экономики. В этих условиях возрастает роль федерального бюджета и бюджетной политики в качестве факторов социально-экономического развития страны. В статье проведен комплексный анализ эволюции бюджетно-налоговой политики России в период структурных трансформаций, вызванных последовательными волнами международных санкций (с 2014 г.), пандемией COVID-19 и формированием новой геополитической реальности. Цель исследования – выявить и систематизировать ключевые тренды трансформации бюджетно-налоговой политики РФ в период 2014–2027 гг., оценить ее эффективность как инструмента адаптации к внешним вызовам и сформулировать перспективные направления развития. Исследование охватывает период с 2014 по 2027 г., определяет ключевые адаптационные механизмы и стратегические приоритеты. Методологическую основу составляют сравнительный анализ, обобщение и формализация данных об исполнении федерального бюджета, динамике макроэкономических показателей. Теоретико-методическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных исследователей по вопросам социально-экономического развития государства и роли государственного бюджета. Результаты свидетельствуют о смене парадигмы бюджетно-налоговой политики: от политики стабилизации и накопления резервов в ответ на шоки 2014–2016 гг. к политике активного стимулирования структурной перестройки экономики и технологического суверенитета после 2022 г. Выявлены ключевые тренды: смещение фокуса на несырьевые доходы, опережающий рост оборонных и социальных расходов, внедрение элементов прогрессивного налогообложения и расширение горизонта стратегического бюджетного планирования. В статье оценены риски, связанные с сохранением высокого уровня инфляции и роста долговой нагрузки, и формулируются рекомендации по повышению гибкости и эффективности бюджетно-налоговой политики в условиях перманентной неопределенности.

Ключевые слова: бюджетная политика, федеральный бюджет, экономические санкции, инвестиции, человеческий капитал, экономика знаний, инновации, стратегирование

Для цитирования: Иванова Е.С. Тренды федеральной бюджетной политики в контексте реализации целей долгосрочного социально-экономического развития России. *Экономика промышленности.* 2026;19(1):46–58. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2026-1-1490>

Trends in federal fiscal policy in the context of achieving long-term socio-economic development goals in Russia

E.S. Ivanova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82-1 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation

 Lianura@mail.ru

Abstract. A characteristic feature of the period from 2014 to the present has been a consistent deterioration of the external conditions for Russia's socioeconomic development due to anti-Russian sanctions imposed by unfriendly states, as well as declining global economic stability. Under these conditions, the role of the federal budget and fiscal policy as factors in the country's socioeconomic development is increasing. This article provides a comprehensive analysis of the evolution of Russia's fiscal policy during the period of structural transformations caused by successive waves of international sanctions (since 2014), the COVID-19 pandemic, and the emergence of a new geopolitical reality. The objective of the study is to identify and systematize the key trends in the transformation of Russia's fiscal policy from 2014 to 2027, assess its effectiveness as a tool for adapting to external challenges, and formulate promising areas for development. The study covers the period from 2014 to 2027 and identifies key adaptation mechanisms and strategic priorities. The methodological framework is based on a comparative analysis, generalization, and formalization of data on federal budget execution and the dynamics of macroeconomic indicators. The theoretical and methodological foundation of the study is formed by the works of domestic and international researchers on the socioeconomic development of the state and the role of the state budget. The results indicate a paradigm shift in fiscal policy: from a policy of stabilization and reserve accumulation in response to the shocks of 2014–2016 to a policy of actively stimulating structural restructuring of the economy and technological sovereignty after 2022. Key trends have been identified: a shift in focus to non-resource revenues, outpacing growth in defense and social spending, the introduction of progressive taxation elements, and an expanded horizon for strategic budget planning. The article assesses the risks associated with persistently high inflation and growing debt burden and formulates recommendations for increasing the flexibility and effectiveness of fiscal policy in an environment of permanent uncertainty.

Keywords: fiscal policy, federal budget, economic sanctions, investments, human capital, knowledge economy, innovation, strategizing

For citation: Ivanova E.S. Trends in federal fiscal policy in the context of achieving long-term socio-economic development goals in Russia. *Russian Journal of Industrial Economics*. 2026;19(1):46–58. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2026-1-1490>

俄罗斯联邦预算政策在实现长期社会经济发展目标背景下的趋势

E.S. 伊万诺娃

俄罗斯联邦总统国民经济与公共管理学院,
119571, 俄罗斯联邦莫斯科市维尔纳德斯基大道82号1栋

 Lianura@mail.ru

摘要: 2014年至今的一个显著特征是, 由于不友好国家实施的反俄制裁以及全球经济稳定性的下降, 俄罗斯社会经济发展的外部环境持续恶化。在此背景下, 联邦预算和财政政策在国家社会经济发展中的作用日益凸显。本文全面分析了俄罗斯财政政策在结构转型时期(自2014年以来, 受国际制裁浪潮、新冠疫情以及新地缘政治格局的影响)的演变。研究涵盖2014年至2027年, 重点关注关键的适应机制和战略优先事项。研究方法基于对联邦预算执行情况和宏观经济指标动态数据的比较分析、概括和形式化。结果表明, 俄罗斯财政政策发生了范式转变: 从2014–2016年应对冲击的稳定和储备积累政策, 转向2022年后积极推动经济结构性调整和技术主权的政策。文章确定的关键趋势包括: 财政收入重心转向非资源性收入、国防和社会支

出加速增长、引入累进税制元素以及战略预算规划视野的拓展。本文评估了持续高通胀和债务负担加重带来的风险，并就如何在持续不确定的环境下提高财政政策的灵活性和有效性提出了建议。研究目的是识别和系统化2014年至2027年期间俄罗斯财政政策转型的主要趋势，评估其作为应对外部挑战工具的有效性，并提出有前景的发展方向。研究的理论和方法论基础源于国内外学者关于国家社会经济发展问题和国家预算作用的研究成果。

关键词： 财政政策、联邦预算、经济制裁、投资、人力资本、知识经济、创新、战略化

Введение

Современный этап экономического развития России характеризуется глубокой структурной перестройкой под влиянием экзогенных шоков высокой интенсивности. Инициированная в 2014 г. и резко усилившаяся в 2022 г. волна координированных международных санкций, наложившаяся на циклические кризисы и пандемию, создала уникальный опыт для исследования адаптационного потенциала национальной бюджетно-налоговой системы. Несмотря на прогнозы о коллапсе, российская экономика продемонстрировала устойчивость: по итогам 2024 г. рост ВВП составил 4,1 %, что превысило показатели многих развитых стран. Данный результат стал возможен во многом благодаря гибкой трансформации бюджетно-налоговой политики, переориентированной с пассивной стабилизации на активное развитие.

Для сравнения, согласно последним данным, ВВП в IV квартале 2024 г. вырос в 21 стране, остался на прежнем уровне в 2-х странах и снизился в 4-х. Наибольший рост ВВП зафиксирован в Ирландии (3,6 %). Снижение наблюдалось на Мальте (0,7 %), в Австрии (0,4 %), Германии (0,2 %) и Франции (0,1 %) ¹.

При разработке федерального бюджета Российской Федерации на период 2025–2027 гг. учтены как традиционные направления бюджетной и налоговой политики, так и ее новые тренды, отражающие состояние геополитической обстановки.

В послании Федеральному собранию от 28 февраля 2024 г. ² Президент РФ В.В. Путин поставил задачу увеличения срока планирования основных бюджетных показателей, когда, кроме разработки проектов на очередные 3 года, необходимо формировать 6-летний перспективный финансовый план развития страны, базирующийся на показателях общегосударственной стратегии развития, который в процессе его реализации будет дополняться новыми инициативами. Ориентация на увеличение сроков прогнозирования

требует анализа динамики показателей федерального бюджета и тенденций изменения бюджетной политики за предшествующий период, начиная с 2014 г., когда стали вводиться санкции против России и снижались цены на нефть. Для выявления трендов бюджетной политики в работе использованы теоретические методы научного исследования – анализ, сравнение, обобщение и формализация.

Цель исследования заключается в анализе динамики показателей федерального бюджета и выявлении тенденций изменения бюджетной политики Российской Федерации за период 2014–2024 гг. для обоснования необходимости увеличения сроков бюджетного планирования до шести лет в соответствии с задачами, поставленными в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 28 февраля 2024 года.

Для выявления трендов бюджетной политики в работе использованы теоретические методы научного познания: анализ (при исследовании динамики бюджетных показателей), сравнение (при сопоставлении параметров бюджетов различных периодов), обобщение (при формулировании выводов о тенденциях бюджетной политики) и формализация (при представлении результатов в виде количественных показателей и графических моделей). Эмпирическую базу исследования составили данные Федерального казначейства, отчеты об исполнении федерального бюджета, а также материалы Министерства финансов Российской Федерации за 2014–2024 гг.

Санкционные факторы, повлиявшие на условия формирования федерального бюджета в 2014–2024 гг.

Период после 2014 г. можно разделить на две фазы, каждая из которых потребовала различных ответных мер со стороны бюджетно-налоговой политики.

1-я фаза (2014–2021 гг.): стабилизация и создание «подушки безопасности». Реакцией на санкции и обвал нефтяных цен в 2014–2016 гг. стал переход к режиму бюджетной консолидации. Ключевыми мерами стали:

– «плавающий» курс рубля: отказ от валютных интервенций для сбережения резервов, что

¹ Eurostats. 8 December 2025. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/cache/statistics_explained/eurostatistics/visualisation.html (accessed on 23.02.2026).

² Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 17.04.2025).

позволило экономике адаптироваться к шокам через механизм импортозамещения;

- секвестр расходов: в 2015 г. нефтегазовый дефицит был сокращен за счет урезания практически всех статей расходов (в среднем на 10 %), кроме социально-значимых;

- совершенствование бюджетных правил: введение в 2017 г. механизма, привязывающего расходы к цене на нефть и направляющего сверхдоходы в фонд национального благосостояния, что дисциплинировало фискальную политику и позволило накопить резервы.

Введение внешних санкций против России началось с 2014 г., сразу после присоединения Крыма. В сочетании с падением цен на нефть во второй половине этого года это привело к значительному ухудшению внешних условий развития российской экономики. Как следствие, произошло снижение ее динамики: прирост ВВП в 2014 г. составил всего 0,7 % по отношению к 2013 г. Существенной особенностью этого периода стало изменение характера бюджетной политики в кризисных условиях. Например, если в период финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. за счет финансовых резервов была осуществлена управляемая девальвация рубля, то в 2014 г. приоритеты изменились в пользу сохранения ресурсов государства: с декабря 2014 г. курс рубля стал «плавающим». Таким образом, девальвация национальной валюты не сопровождалась значительными расходами государства.

В начале 2015 г. правительство РФ приняло пакет антикризисных мер, включая пересмотр бюджета по линии сокращения расходов в среднем на 10 %. Это позволило в определенной степени стабилизировать ситуацию, но избежать падения ВВП не удалось, и по результатам 2015 г. он снизился на 2,8 % к предыдущему году³. Наиболее устойчивые позиции в экономике показали предприятия отраслей, осуществлявшие экспортные поставки в основном несырьевых товаров. Активизировалась работа по поддержке импортозамещения и производства продукции, конкурентоспособной на внешних рынках.

В течение 2016 г. в России удалось замедлить экономический спад, отрасли материального производства и оптовая торговля вышли на положительную динамику. В итоге объем ВВП по

отношению к 2015 г. показал снижение на 0,2 %, т.е. меньше ожидаемого, а правительство вернулось к 3-летнему бюджетному планированию⁴.

Таким образом, в течение первой фазы активного введения антироссийских санкций при значительной роли федерального бюджета удалось: во-первых, сохранить социально-экономическую стабильность и предотвратить заметный спад в экономике, во-вторых, обеспечить возобновление экономического роста и запаса прочности, который позволил противостоять последующим кризисам – пандемии COVID-2019 и второй фазе санкционного давления в 2022–2024 гг.

В последующие годы темпы прироста ВВП имели положительные значения. Снижение ВВП на 3 % произошло в 2020 г. из-за пандемии COVID-2019. К этому времени относится и определение национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г., а потом и до 2036 г., реализация которых стала осуществляться через разработку национальных проектов, государственных программ, финансируемых в том числе и за счет бюджетных средств. Существует мнение, что долгосрочные последствия санкций для экономического роста не поддаются статистическому учету [1].

2-я фаза (2022–2024 гг.): активное стимулирование структурной перестройки. Новый, беспрецедентный по масштабам пакет санкций в 2022 г. потребовал смены стратегии. Бюджетно-налоговая политика перешла в режим активного стимулирования предложения и перераспределения ресурсов, т.е.:

- смещения приоритетов расходов. Произошел резкий рост расходов на оборону и безопасность (до 6 % ВВП в 2024 г.), а также на социальную политику для поддержания уровня жизни. Финансирование национальных проектов было увеличено;

- поддержки реального сектора. Введены льготные кредитные программы, субсидии для переориентации логистики, специальные инвестиционные контракты;

- изменение структуры доходов. Доля нефтегазовых доходов в ВВП снизилась с 7,5 % (2022 г.)

³ Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/docs/budpol_taxpol?id_57=22239-osnovnye_napravleniya_byudzhethnoi_politiki_na_2015_god_i_na_planovyi_period_2016_i_2017_godov (дата обращения: 17.04.2025).

⁴ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/policy/osnov?id_65=119695-osnovnye_napravleniya_byudzhethnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_na_2018_god_i_na_planovyi_period_2019_i_2020_godov (дата обращения: 17.04.2025).

до 5,8 % (2024 г.), что свидетельствует об успешной, хотя и вынужденной, диверсификации доходной базы бюджета. Рост обеспечивался за счет налога на прибыль и налога на национальную добавленную стоимость (НДС) с растущей обрабатывающей промышленности.

Санкционное давление усилилось после 24 февраля 2022 г., причем с каждым годом количество санкций увеличивалось. Их общее число уже превысило 24 тысячи позиций. При этом порядка 30 % санкций исходят от США. 24 февраля 2025 г. Совет Евросоюза одобрил 16-й пакет санкций против России. В рамках этих мер с 17 марта 2025 г. ЕС отключил 13 региональных банков, играющих **ключевую роль** в финансовой системе страны, от международной платежной системы SWIFT (базирующейся в Бельгии).

Можно выделить самые значительные виды санкций за весь период:

- заморозка 300 млрд долл. США золотовалютных резервов;
- запрет на операции с российским госдолгом;
- ограничения на привлечение капитала;
- запрет на поставки технологий двойного назначения, к которым можно отнести невоенную продукцию;
- запрет на поставки высокотехнологичного оборудования и технологий в добывающих отраслях, прежде всего в нефтедобыче;
- эмбарго на экспорт технологий;
- установление ценового потолка на нефть;
- повышение тарифов на российские металлы и минералы;
- запрет на использование карт «Мир» и работу с отечественной Национальной системой платежных карт;
- введение 200 % пошлин на экспорт изделий из алюминия, произведенных в РФ.

Наиболее существенными являются запрет на получение заемных средств, инвестиций и перевода денег. К этому присоединяются пакеты санкций со стороны Совета Евросоюза, касающиеся ограничения поставок товаров и технологий двойного назначения и многих других.

Ограничения в торговле нефтью и газом повлекли сокращение доходов в этой сфере из-за снижения цен и уменьшения объемов добычи. Переориентация поставок нефтепродуктов на Восток – в Китай и Индию – не позволило полностью компенсировать санкционные потери. В результате, если в прежние годы доходы от нефтегазовой торговли обеспечивали до 13 % ВВП, то в последнее время эта доля уменьшилась до 5 %.

Согласно данным Банка России, на 1 января 2025 г. внешний долг Российской Федерации

составил 290,4 млрд долл. США⁵. По сравнению с началом 2024 г. долг уменьшился на 8,7 %, или 27,5 млрд долл. США. Ускорение инфляции или ухудшение макроэкономической ситуации могут привести к росту расходов на обслуживание внутреннего долга. Согласно оперативному докладу об исполнении федерального бюджета январь – декабрь 2024 г. Счетной палаты Российской Федерации⁶ в 2024 г. на обслуживание государственного долга было потрачено рекордное количество средств – 2,3 трлн руб., на треть больше, чем в 2023 г., что может свидетельствовать о рисках для бюджета из-за роста процентных расходов. Также стоит отметить, что данная сумма сопоставима со средствами на финансирование национальных проектов, на которые было предусмотрено 3 трлн руб. С 2022 г. в нарушение всех международных правил произошла заморозка 300 млрд долл. США из Фонда национальной безопасности и золота, и с началом специальной военной операции существенно выросли расходы на финансирование оборонной сферы.

Введение все новых санкций предопределило осуществление структурной трансформации Российской экономики, сопровождающейся переориентацией ресурсов на новые приоритеты и рынки сбыта.

Ориентация бюджета на достижение национальных целей в 2025–2030 гг.

В последние 20 лет в Российской Федерации большое внимание уделяется роли бюджета и бюджетной политики в развитии конкретных территорий. Бюджет и бюджетная политика имеют значительное влияние на развитие промышленного потенциала, социальной сферы и благосостояния населения территории, будь то небольшое сельское поселение, город или регион [2].

Действующий закон о федеральном бюджете (Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов») отражает адаптацию к изменяющимся экономическим условиям и акцент на содействие достижению национальных целей развития, выполнение социальных обязательств, усиление обороноспособности

⁵ ЦБ России. Оценка внешнего долга Российской Федерации на 1 января 2026 года. 12.02.2026. Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ed/ext-debt/, https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/ed/ (дата обращения: 17.04.2025).

⁶ Оперативный доклад – 2024 год. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/audit/oper-2024/>; <https://ach.gov.ru/upload/iblock/f7d/mp3zg8a6s3o7gzxxv2sl260u2r6mwmu4.pdf> (дата обращения: 17.04.2025).

страны, на технологическое развитие и расширение инфраструктуры⁷.

В Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁸ обозначены и уточнены национальные цели развития на ближайшие 6 лет, охватывающие все сферы общественной жизни – повышение качества жизни и благосостояния граждан, снижение бедности и неравенства, повышение качества и доступности здравоохранения и образования, создание современной инфраструктуры. На содействие достижению национальных целей развития ориентирован весь инструментарий бюджетной и налоговой политики.

Президентом определены следующие национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.⁹:

- сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;
- реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;
- комфортная и безопасная среда для жизни;
- экологическое благополучие;
- устойчивая и динамичная экономика;
- технологическое лидерство;
- цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

Ожидаемым дополнением национальных целей может стать достижение передовых позиций страны в освоении дальнего космоса.

Одними из ключевых инструментов достижения национальных целей являются национальные проекты, включающие в себя меры по реализации Послания Президента, подлежащие приоритетному финансированию. В 2024 г. на финансирование национальных проектов было предусмотрено 3 трлн руб., а на реализацию национальных проектов по 19 ключевым направлениям в 2025–2027 гг. эта цифра увеличена по

годам до 5,7 трлн руб., 6,2 трлн руб. и 6,3 трлн руб. соответственно¹⁰ (рис. 1).

Ключевые тренды бюджетной политики на 2025–2027 гг. включают:

- поддержку национальных целей развития;
- создание стабильной и предсказуемой макроэкономической среды;
- реализацию новых стратегических задач развития страны;
- исполнение социальных обязательств государства;
- укрепление обороноспособности;
- развитие технологического потенциала.

В 2025 г. ожидается, что доходы федерального бюджета составят 40,296 трлн руб.¹¹, что на 11,6 % больше 2024 г. В 2026 г. прогнозируется рост до 41,841 трлн руб., что на 3 % больше 2025 г., а в 2027 г. – до 43,154 трлн руб., или на 3,14 % больше, чем в 2026 г. Динамика нефтегазовых доходов в процентах от ВВП в последние годы выглядит следующим образом:

- 2022 г. – резкий рост до 7,5 % ВВП из-за скачка цен на энергоресурсы;
- 2023 г. – снижение до 5,1 % ВВП в результате падения мировых цен и экспортных ограничений;
- 2024 г. – небольшое восстановление до 5,8 % ВВП;
- 2025 г. – снижение до 5,1% ВВП;
- 2026–2027 гг. – ожидается дальнейшее постепенное уменьшение до 3,9 % ВВП.

Данный тренд обусловлен стабилизацией ценовой конъюнктуры после волатильности 2020–2022 гг., а также увеличением доли добычи нефти на месторождениях, подпадающих под льготные налоговые режимы, включая переход месторождений «вязкой» нефти на применение налога на дополнительный доход (НДД) с 2024 г.

⁷ Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/ (дата обращения: 17.04.2025).

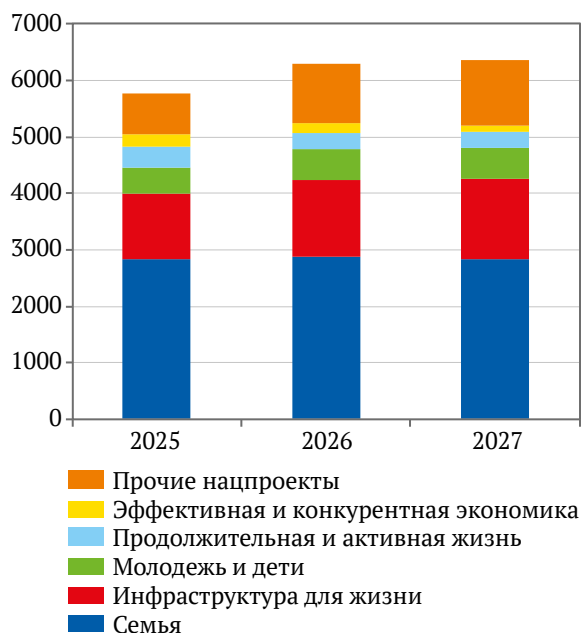
⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 17.04.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/ (дата обращения: 17.04.2025);

Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 17.04.2025).

¹¹ Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/ (дата обращения: 17.04.2025).

Рис. 1. Планируемые объемы финансирования национальных проектов Российской Федерации в 2025–2027 гг.

Источник: составлено автором по данным Минфина России

Fig. 1. Planned volumes of funding for national projects of the Russian Federation in 2025–2027

Source: compiled by the author based on data from the Russian Ministry of Finance

Общий объем и структура расходов федерального бюджета сформированы с учетом предельных значений, установленных в рамках «бюджетных правил», а также приоритетного финансирования инициатив, направленных на поддержку населения, структурную трансформацию экономики и достижение национальных целей развития.

В 2024 г. бюджетные расходы выросли на 24,2 % – до 40,192 трлн руб. по сравнению с 2023 г., в 2025 г. они составили 41,469 трлн руб., на 3,18 % больше чем в 2024 г., в 2026 г. предполагается 44,022 трлн руб. (+6,16 %) и в 2027 г. – 45,915 трлн руб. (+4,3 %). Дефицит бюджета в 2025 г. составил 1,173 трлн руб. Как видно, расходы бюджета продолжают расти, что обусловлено необходимостью финансирования социальных обязательств, поддержки ключевых отраслей экономики и реализации национальных проектов. Выявленные тренды бюджетной политики, такие как увеличение расходов на социальную сферу, инвестиции в инфраструктуру и инновации, а также меры по стимулированию экономического роста, могут служить основой для долго-

срочного стратегирования. Важно учитывать при этом необходимость балансировки между текущими потребностями и долгосрочными целями развития. В контексте необходимости возобновления экономического роста следует уделить внимание формированию надежного, теоретически обоснованного фундамента долгосрочной бюджетной политики, что невозможно без изменения модели роста экономики [3; 4].

По данным Росстата в 2024 г. валовый внутренний продукт России вырос на 4,1 %, на 0,2 % превысив официальный прогноз и достигнув номинального объема 200 трлн руб.¹². Это произошло прежде всего за счет интенсивного роста обрабатывающей промышленности. В то же время в 2024 г. сохранилась ситуация «перегрева» экономики. В частности, безработица продолжила обновлять исторический минимум, инфляция вплотную приблизилась к 10 %, а ключевая ставка Банка России выросла до 21 %, хотя ее дальнейший рост приостановился¹³. На рабочей встрече 7 февраля 2025 г. Президента России В.В. Путина с Председателем Правительства Российской Федерации М. Мишустиним Правительству России совместно с Банком России предложено перейти к более ответственной бюджетной и макроэкономической политике¹⁴.

Анализ текущего состояния федерального бюджета показывает, что он сталкивается с рядом вызовов, таких как необходимость снижения дефицита, управления государственным долгом и адаптации к изменяющимся экономическим условиям. Это требует разработки гибких и адаптивных стратегий бюджетной политики.

В соответствии с Федеральным законом № 419-ФЗ ожидается, что уровень инфляции не превысит 4,5 % в ближайшие годы¹⁵. По данным Центрального Банка России инфляция должна снизиться до 4,5–5,0 % в 2025 г. и до 4 % в первой

¹² Федеральная служба государственной статистики. Росстат представляет первую оценку ВВП за 2024 год. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/search?q=ввп+2024&date_from=&content=on&date_to=&search_by=all&sort=relevance (дата обращения: 17.04.2025).

¹³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2024 год и период 2025 и 2026 годов. Режим доступа: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2024_2026/ (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁴ Встреча с Председателем Правительства Михаилом Мишустиним. 7 февраля 2025 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76227> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁵ Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491969/ (дата обращения: 17.04.2025).

половине 2026 г.¹⁶. Однако, по прогнозам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), инфляция в России в 2025 г. составит около 10 % с ее снижением к 2026 г. Официальный уровень инфляции в Российской Федерации в 2024 г. после уточнения составил 9,52 %. Для более полного понимания ситуации с инфляцией в России в 2025 г. ее можно сравнить с показателями в других странах. Так, по данным ОЭСР в 2025 г. (табл. 1) инфляция в США составит около 3 %, в еврозоне – примерно 2 %, Турции – 30 %, Китае – менее 1 %¹⁷.

Таблица 1 / Table 1

**Уровень инфляции в отдельных странах
и объединениях стран в 2025–2026 гг.
по данным ОЭСР**

Inflation rates in individual countries and groupings
of countries in 2025–2026 according to OECD data

Страна/объединение стран	2025 г.	2026 г.
G20	3,8	3,2
G20, без учета Аргентины и Турции	2,8	2,6
Австралия	2,4	2,2
Канада	3,1	2,9
Еврозона	2,2	2,0
Германия	2,4	2,0
Франция	1,5	1,8
Италия	1,7	1,9
Испания	2,5	2,1
Япония	3,2	2,1
Республика Корея	1,9	2,1
Мексика	4,4	3,5
Турция	31,4	17,3
Великобритания	2,7	2,3
США	2,8	2,6
Аргентина	28,4	24,8
Бразилия	5,4	5,3
Китай	0,6	1,4
Индия	4,5	4,1
Индонезия	1,8	2,8
Россия	9,9	6,3
Саудовская Аравия	1,9	2,0
ЮАР	4,0	4,6

¹⁶ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. Официальный сайт Банка России. 30 октября 2024. Режим доступа: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkpo_n_2025_2027 (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁷ OECD Economic Outlook, Interim Report March 2025. Steering through uncertainty. 17 March 2025. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook-interim-report-march-2025_89af4857-en.html (accessed on 17.04.2025).

Прогнозы показывают весьма высокие уровни инфляции в отдельных странах и тенденцию к небольшому их снижению для стран группы G20 к 2026 г. При этом прогнозируется сохранение более высокой инфляции в России. Здесь следует обратить внимание на то, что в крупных странах Евросоюза при низкой инфляции показатели экономического развития невысоки, а иногда даже имеют отрицательные значения, в частности в Германии. Таким образом, невысокий уровень инфляции вовсе не свидетельствует об экономическом благополучии страны, в которой происходит резкий рост цен на энергоносители, который в сочетании с другими факторами ведет к банкротству достаточно крупных фирм, снижению доходов населения.

Оценивая реалистичность прогнозных значений по инфляции, заложенных в Федеральном законе № 419-ФЗ, можно прийти к выводу, что вероятность достигнуть указанных показателей невелика, так как при определении ее уровней ряд компонентов инфляционного риска остался «за кадром», прежде всего это касается неадекватного учета глобальной инфляции [5].

Важнейшим приоритетом развития России является укрепление технологического суверенитета и движение к лидерству по основным его направлениям. С этой целью с 2021 г. Правительство Российской Федерации реализует комплекс мер, направленных на социально-экономическое развитие страны в условиях внешних ограничений. В Распоряжении Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» определены 42 инициативы, сгруппированные по 6 ключевым направлениям: социальная сфера, строительство, экология, цифровая трансформация, технологический рывок и государственное управление¹⁸. Важно отметить, что 15 из 42 стратегических инициатив (около 36 %) направлены на технологическое развитие, что свидетельствует о высокой значимости этого направления в условиях внешнеэкономических ограничений¹⁹. Направ-

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р (ред. от 15.08.2024) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397326/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁹ Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г.» (в ред. от 15.08.2024). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402792803/> (дата обращения: 17.04.2025).

ление «Технологический рывок» предусматривает реализацию проектов, ориентированных на обновление и создание дополнительных стимулов для развития важнейших отраслей экономики. Также в 2024 г. был принят Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (далее – Стратегия)²⁰. В данной стратегии определяются цели, основные задачи и приоритеты научно-технологического развития Российской Федерации, устанавливаются принципы, основные направления государственной политики в этой области и меры по ее реализации, а также ожидаемые результаты реализации Стратегии, обеспечивающие устойчивое, динамичное и сбалансированное развитие Российской Федерации на долгосрочный период. Стоит отметить, что 23 февраля 2024 г. был принят 13-й пакет санкций, где Совет ЕС ввел строгие ограничения на экспорт товаров и технологий двойного назначения, способных усилить технологический потенциал российской оборонной и военно-промышленной сферы. Ряд компаний, подпадающих под эти меры, зарегистрированы в следующих странах: Индия, Шри-Ланка, Китай, Сербия, Казахстан, Таиланд и Турция. Нестабильная геополитическая ситуация оказала определенное влияние, но России удалось нивелировать возникающие риски. Санкции ограничивают трансграничное взаимодействие и, следовательно, не только оказывают политическое и экономическое давление на страну-мишень, но и негативно влияют на страну-отправителя [6].

Конечно, особенно с 2022 г., России пришлось переориентировать ряд заводов на расширение производства продукции, обеспечивающей потребности специальной военной операции. Здесь свою роль сыграло сохранение ряда государственных предприятий, финансируемых за счет бюджетных средств. И если в начальный период эта перестройка шла не так быстро, как хотелось бы, то к настоящему моменту удалось объединить достижения отдельных специалистов, ученых и небольших коллективов с оперативным внедрением результатов их разработок в производство, что и дало соответствующий положительный эффект. Дело в том, что в периоды обострения внешнеполитической ситуации, возникновения угроз целостности границ государства, существенно ускоряется научно-технический прогресс, появляются

новые и совершенствуются существующие виды техники и технологии. И здесь одним из главных условий является ускоренное внедрение нововведений в действующее производство.

Системный подход к реализации социально-экономических и технологических инициатив способствует формированию благоприятных условий для технологического суверенитета и устойчивого развития Российской Федерации. Новые технологии повышают производительность труда и капитала, а также влияют на содержание производственных задач [7].

В предстоящие годы при благоприятных изменениях геополитической ситуации также потребуются определенная трансформация производств, ориентированных на поддержку специальной военной операции, выпуск гражданской продукции в условиях нормальной рыночной конкуренции. И тогда тоже нужна будет гибкость при корректировке бюджетных потоков.

В 2025–2027 г. в бюджетной политике продолжится ориентация на увеличение доходов за счет повышения эффективности налоговой системы. Налоговая реформа предусматривает перераспределение фискальной нагрузки с акцентом на социальную справедливость²¹ и предусматривает следующие основные направления:

1. Поддержка социально уязвимых групп:
  - специальные налоговые вычеты для многодетных семей и малоимущих граждан;
  - пониженная ставка НДФЛ 7 % для указанных категорий;
  - демографическая стимулирующая мера через налоговые преференции.
2. Изменения для высокодоходных налогоплательщиков:
  - введение прогрессивной шкалы налогообложения;
  - повышенная ставка (22 %) для доходов свыше 50 млн руб. ежегодно;
  - сохранение конкурентного уровня налогообложения по сравнению с международной практикой.

Важнейшим источником экономического роста являются инвестиции в основной капитал. Для ускорения экономического роста необходимо наращивать инвестиции. Достичь целевого уровня инвестиций в основной капитал с 2025 г. планируется через стимулирующие меры бюджетно-налоговой политики: введение федерального инвестиционного налогового вычета,

²⁰ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 17.04.2025).

²¹ Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. Режим доступа: <https://www.nalog.ru/> (дата обращения: 17.04.2025).

развитие преференциальных режимов особых экономических зон (ОЭЗ), территорий опережающего развития (ТОР) свободных экономических зон (СЭЗ), поддержку региональных инвестиций через бюджетные кредиты и создание инструментов для долгосрочных сбережений граждан.

В своей книге «Финансы, бюджет и банки в новой России» доктор экономических наук, профессор, академик РАН А.Г. Аганбегян [8] другим важнейшим источником экономического роста, неразрывно связанным с инвестициями в основной капитал, считает вложения в человеческий капитал, и прежде всего в его главную составляющую – сферу экономики знаний (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии, здравоохранение). Человеческий капитал является драйвером экономики. Об этом в своих работах писал также профессор П.В. Савченко [9].

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию 29 февраля 2024 г.²² было обращено внимание на необходимость расширения горизонта планирования основных расходов, инвестиций и переходу к 6-летнему финансовому плану развития страны, который будет дополняться и корректироваться с учетом изменения геополитической обстановки и формирования биполярного ядра нового мирохозяйственного уклада.

В феврале 2025 г. Владимир Путин провел заседание Совета при Президенте по науке и образованию, где обсуждались вопросы обеспечения приоритетных направлений научно-технологического развития инженерными кадрами. «Прошу правительство обновить пятилетний прогноз потребности экономики в кадрах, – сказал глава государства. – Нужно повнимательнее разобраться в этом вопросе и в обязательном порядке учесть наши планы по повышению производительности труда и роботизации и, безусловно, задачи нацпроектов технологического лидерства, программ государства и бизнеса, направленных на пространственное развитие страны»²³. Также президент отметил, что «область технологического развития в России должна быть конкурентоспособна по ключевым направлениям. Для этого нам нужны специалисты, способные генерировать уникальные решения, в том числе для новых, только формирующихся индустрий, гото-

вые использовать передовые методы проектирования и конструирования»²⁴.

Доля сферы «экономика знаний» в России в составе ВВП составляет 15 %, в Китае – 22 %, странах ЕС – 30–35 %, США – даже 40 %, ведь развитые страны, как известно, вступили в период постиндустриального развития, и у них доля промышленности в производстве ВВП снижается (США – 18 %, а в странах ЕС – около 25 %), практически она в 1,5–2 раза ниже удельного веса «экономики знаний» [10]. Россия и подавляющая часть развивающихся стран являются индустриальными, у них доля промышленности в ВВП – 30–40 % [5; 11].

В соответствии с Федеральным законом № 419-ФЗ для создания конкурентных технологических продуктов, повышения качества жизни и стимулирования технологического прогресса планируется ряд мер, включая налоговые льготы, освобождение от НДС и ввозных пошлин на высокотехнологичное оборудование, развитие амортизационной политики, поддержку НИОКР и инвестиционных проектов, а также субсидирование предприятий в приоритетных отраслях промышленности. Поддержка научно-технологического развития включает развитие инфраструктуры (технопарков, инженерных школ, промышленных объектов), стимулирование технологических стартапов и малых инновационных компаний, расширение мер господдержки, интеграцию малых технологических компаний (МТК) в кооперационные цепочки, развитие инжиниринга, робототехники, биотехнологий, химической и энергетической промышленности, а также производство критически важных материалов и программных решений.

В условиях высокого уровня неопределенности особое значение приобретает формирование долгосрочного видения развития страны. Инструментом решения этой задачи является, как известно, стратегическое планирование. Именно оно призвано определить такую траекторию развития, которая позволит обществу добиться на соответствующем временном отрезке максимума возможного при существующих ограничениях – ресурсных, экологических, политических [12].

В среднесрочной перспективе бюджетная политика России, скорее всего, будет по-прежнему формироваться в достаточно жестких условиях и при сохранении значительной степени неопределенности. В этой ситуации крайне важно со-

²² Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408525335/> (дата обращения: 17.04.2025).

²³ Там же.

²⁴ Заседание Совета по науке и образованию. 6 февраля 2025 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/councils/76222> (дата обращения: 17.04.2025).

хранить концентрацию финансовых ресурсов на ключевых приоритетах и проводить политику, направленную на поддержание долгосрочной устойчивости экономической системы. Безусловными приоритетами бюджетной политики в 2024 г. стали: дальнейшее укрепление обороноспособности страны, выполнение обязательств государства перед военнослужащими и их семьями, интеграция новых регионов [13]. Бюджетная политика построена на основополагающем принципе, что все расходные обязательства должны финансироваться не в ущерб макроэкономической стабильности и предсказуемости. Это, с одной стороны выступает гарантом обеспечения предсказуемых экономических условий вне зависимости от конъюнктуры сырьевых рынков, а с другой – создает стимулы для выработки мер с ненулевой суммой, таких как повышение собираемости налогов за счет сокращения теневого сектора, увеличение отдачи от государственных активов, увеличение эффективности расходов и др. Такие меры не только обеспечивают положительный эффект с фискальной точки зрения, но и способствуют созданию положительных структурных изменений, т.е. структурной трансформации экономики [14]. Следует отметить, что глобальная неопределенность фискальной политики снижает промышленное производство как в развитых, так и в странах с формирующимся рынком [15].

Современная мировая экономика характеризуется высокой степенью неопределенности, вызванной геополитическими факторами, санкционными ограничениями, волатильностью цен на сырьевые товары и изменениями в глобальных финансовых потоках. В таких условиях правительство должно проявлять гибкость в построении финансовой политики, оперативно адаптируя бюджетные механизмы к новым вызовам. При расширении горизонта прогнозирования развития страны в целях актуализации направлений бюджетно-налоговой политики могут быть использованы элементы методологии стратегирования, разработанной В.Л. Квинтом [16], которые стали успешно применяться на региональном и отраслевом уровне [17; 18]. По мнению экономистов [19], универсальность концепции стратегирования позволяет использовать ее в любой сфере общества, к любому объекту стратегирования. При этом для облегчения решения этой задачи целесообразно на базе стратегий развития отдельных направлений сформировать общегосударственную стратегию развития, что позволит оптимизировать распределение бюджетных ресурсов. Государственные стратегии должны учитывать этап трансформации финансовых операций, который

может быть достигнут с помощью цифровых решений. На уровне цифровизации процесс должен быть цифровым по умолчанию, а все его основные этапы могут быть автоматизированы. Важно понимать, что эти инициативы – не просто технологические проекты, и правительства должны учитывать институциональные и технологические возможности, финансовые ресурсы, пользовательские интерфейсы, изменения в законодательстве и инициативы по управлению изменениями.

Способность правительства быстро адаптироваться к изменениям, перераспределять ресурсы и выработать эффективные меры поддержки экономики определяет успешность реализации национальных стратегий и долгосрочную макроэкономическую стабильность.

Необходимая, но дисциплинированная бюджетная гибкость может сочетаться с эффективным бюджетным ограничением, если планировать и составлять бюджет с учетом финансовых потрясений до их наступления [20].

Эффективность играет важную роль во взаимосвязи между государственными расходами и экономическим ростом. Для максимизации экономического роста правительствам развивающихся стран следует уделять внимание как размеру, так и эффективности расходов [21].

Заключение

После анализа существующих санкционных ограничений, в условиях формирования новой геополитической реальности, можно сделать ряд выводов:

1. Бюджетно-налоговая политика РФ в 2014–2024 гг. эволюционировала от оборонительной стабилизации к политике активного развития, доказав свою роль как ключевого инструмента экономической адаптации.

2. Стратегия на 2025–2027 гг. направлена на закрепление структурных сдвигов: стимулирование несырьевого экспорта, технологический рывок, повышение социальной справедливости через налоговую систему.

3. Основными рисками остаются инфляция и растущая долговая нагрузка, требующие тонкой настройки координации между фискальной и денежно-кредитной политикой.

Для повышения эффективности бюджетно-налоговой политики в условиях перманентной неопределенности целесообразно:

- 1) усилить таргетирование бюджетных расходов на основе цифровых платформ мониторинга и оценки результативности;

- 2) поэтапно сократить структурный дефицит за счет повышения эффективности налогового

администрирования и оптимизации неэффективных расходов;

3) активизировать механизмы инициативного бюджетирования для вовлечения регионов и населения в процесс определения приоритетов, повышая тем самым легитимность и обоснованность фискальных решений.

Успешное решение поставленных задач развития экономики в значительной степени будет зависеть от способности государства поддерживать баланс между оперативной гибкостью в ответ на вызовы и стратегической дисциплиной, направленной на долгосрочную устойчивость и технологический прорыв.

Список литературы / References

- Ohyun K., Syropoulos C., Yotov Y.V. Do Sanctions Affect Growth? CESifo Working Paper. No. 9818; 2022. 51 p. https://www.econstor.eu/bitstream/10419/263748/1/cesifo1_wp9818.pdf
- Бикметова З.М. Оценка эффективности бюджетной политики территорий. *Экономика, предпринимательство и право*. 2024;14(7):3471–3482. <https://doi.org/10.18334/epp.14.7.121381>
Bikmetova Z.M. Assessing the efficiency of the territories' budgetary policies. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2024;14(7):3471–3482. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.14.7.121381>
- Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. От профицитной к дефицитной бюджетной политике. *Проблемы прогнозирования*. 2021;5(188):42–53. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-188-42-53>
Afanas'ev M.P., Shash N.N. From surplus to deficit fiscal policy. *Studies on Russian Economic Development*. 2021;32(5):476–484.
- Cohen-Setton J., Gornostay E., Ladreit C. Aggregate of budget stimulus: evidence from the large fiscal expansions database. *SSRN Electronic Journal*. Peterson Institute for International Economics. Working Paper No. 19–12; 2019. 55 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3426598>
- Косов М.Е., Воронкова Е.К., Чалова А.Ю. Финансовые взаимосвязи сценарных индикаторов бюджетного прогнозирования с показателями федерального бюджета России. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(5):6–17. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-5-6-17>
Kosov M.E., Voronkova E.K., Chalova A.Yu. Financial interrelations of scenario indicators of budget forecasting with indicators of the federal budget of Russia. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(5):6–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-5-6-17>
- Tibor B., Goldbach S., Nitsch V. Cheap talk? Financial sanctions and nonfinancial firms. *European Economic Review*. 2021;134:103688. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103688>
- Acemoglu D., Restrepo P. Automation and new tasks: How technology displaces and reinstates labor. *Journal of Economic Perspectives*. 2019;33(2):3–30. <https://doi.org/10.1257/jep.33.2.3>
- Аганбегян А.Г. Место России среди ведущих стран мира в процессе интеграции и соперничества в перспективе. В: *сб. «Перспективные интеграци-*
онные процессы в мировой экономике: нооподход». Материалы IX Санкт-Петербургского междунар. экон. конгресса (СПЭК-2024). Санкт-Петербург, 04–05 апреля 2024 г. М.: Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте; 2024. С. 15–46.
- Савченко П.В. Системный метод исследования социально-трудовых отношений: человек как доминанта развития. М.: Инфра-М; 2021. 446 с.
- Аганбегян А.Г. Финансы, бюджет и банки в новой России. М.: Дело (РАНХиГС); 2019. 400 с.
- Аганбегян А.Г. Переход к инновационному развитию – неотложная задача России. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2024;3(78):5–11. <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2024-3-5-11>
Aganbegyan A.G. Transition to innovative development – an urgent task for Russia. *Ehkonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*. 2024;3(78):5–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2024-3-5-11>
- Некипелов А.Д. Об экономической стратегии и экономической политике России в современных условиях. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021;230(4):51–54. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-76-89>
Nekipelov A.D. On economic strategy and economic policy in Russia under current conditions. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;230(4):51–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-76-89>
- Силуанов А.Г. Роль бюджетной политики в обеспечении финансового и технологического суверенитета страны. *Экономическая политика*. 2024;19(5):6–29. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-5-6-29>
Siluanov A.G. The role of fiscal policy in ensuring the financial and technological sovereignty of the country. *Economic Policy*. 2024;19(5):6–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-5-6-29>
- Кудрин А.Л., Кнобель А.Ю. Бюджетная политика как источник экономического роста. *Вопросы экономики*. 2017;(10):5–26. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-10-5-26>
Kudrin A., Knobel A. Fiscal policy as a source of economic growth. *Voprosy Ekonomiki*. 2017;(10):5–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-10-5-26>

15. Hee H.G., Nguyen A.D.M., Ke B. *The economic impact of fiscal policy uncertainty: Evidence from a novel cross-country database*. Working Paper No. 2024/209; 2024. 59 p. <https://doi.org/10.5089/9798400288128.001>
16. Квинт В.Л., Бодрунов С.Д. *Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, экономика*. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте; 2021. 351 с.
17. Kvint V.L. *Strategy for the global market: Theory and practical applications*. New York: Routledge; 2015. 548 p. <https://doi.org/10.4324/9781315709314>
18. Kvint V., Bodrunov S. *Strategizzare le trasformazioni sociali: Noonomia, sapere, tecnologia*. Roma: Sandro Teti Editore; 2024. 256 p.
19. Алабина Т.А. Роль концепции стратегирования В.Л. Квинта в экономических исследованиях стратегий и ее особенности. *Управленческое консультирование*. 2021;(9):45–57. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-9-45-57>
20. Phaup M. Federal budget process reform: An economics perspective, with imperfect, “Human” decision-makers. *Public Budgeting & Finance*. 2022;42(3):114–130. <https://doi.org/10.1111/pbaf.12327>
21. Rahmayanti Y., Horn T. Expenditure efficiency and the optimal size of government in developing countries. *Discussion Papers in Economics and Business*. 2019;(4):10–20.

Информация об авторе

Елена Сергеевна Иванова – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов общественного сектора, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4374-1434>; e-mail: Lianura@mail.ru

Information about the author

Elena S. Ivanova – PhD (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of Department of Public Sector Economics and Finance, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82-1 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4374-1434>; e-mail: Lianura@mail.ru

Поступила в редакцию 25.04.2025; поступила после доработки 28.02.2026; принята к публикации 17.03.2026
Received 25.04.2025; Revised 28.02.2026; Accepted 17.03.2026